

особисті як умова успішної адаптації людини до життя в інформаційному суспільстві / В.Г. Воронкова // Гілея: науковий вісник: зб. наук. пр. – К.: Вид-во УАН ТОВ “НВП” “ВІР”, 2014. – Вип.86 (7). – С.198–203.

7. Вашкевич В.М. Історична свідомість сучасної молоді: до методології дослідження / В.М. Вашкевич // Вища освіта України. – 2005. – №4. – С.74–79.

8. Андрущенко В.П. Організоване суспільство: проблема організації та суспільної самоорганізації в період радикальних трансформацій в Україні на рубежі століть: досвід соціально-філософського аналізу / В.П. Андрущенко. – К.: ТОВ “Атлант ЮЕМСІ”, 2006. – 502 с.

9. Человек и общество: ноосферное развитие: [монография / О.С. Анисимов, Г.В. Атаманчук, В.К. Батурин и др.; под ред.: В.Н. Василенко и др.]. – Москва; Белгород: Белгор. обл. типогр., 2011. – 485 с.

References

1. Voronkova V.G. Filosoffija globalizacij: socioantropologichni, socioekonomichni ta sociokulturni vymiry. Monografija / V.G. Voronkova. – Zaporizhzhja: Vydavnytvo ZDIA, 2010. – 272 s.

2. Puchenko O.P. Civilizacionnoe izmerenie istorii chelovechestva: [monografija] / O.P. Puchenko. – Odessa: Astroprint, 2013. – 448 s.

3. Social'no-jekonomicheskie problemy informacionnogo obshhestva / Pod red. d.je.n., prof. L.G. Mel'nika. – Sumy: ITD “Universitetskaja kniga”, 2005. – 430 s.

4. Dubov D.V. Shyrokosmugovij dostup do merezhi Internet jak vazhlyva peredumova innovacijnogo rozvytku Ukrai'ny: analit. dop. / D.V. Dubova, M.A. Ozhevan. – K.: NISMD, 2013. – 108 s.

5. Jeromolenko A.M. Komunikativna praktychna filosofija / A.M. Jermolenko. – K.: Libra, 1999. – 488 s.

6. Voronkova V.G. Formuvannja informacijnoi kul'tury osobystosti jak umova uspishnoi' adaptacii' ljudyny do zhyttja v informacijnomu suspil'stvi / V.G. Voronkova // Gileja: naukovyj visnyk: zb. nauk. pr. – K.: Vyd-vo UAN TOV “NVP” “VIR”, 2014. – Vyp.86 (7). – S.198–203.

7. Vashkevych V.M. Istorychna svidomist' suchasnoi' molodi: do metodologii' doslidzhennja / V.M. Vashkevych // Vyshha osvita Ukrai'ny. – 2005. – №4. – S.74–79.

8. Andrushhenko V.P. Organizovane suspil'stvo: problema organizacii' ta suspil'noi' samoorganizacii' v period radykal'nyh transformacij v Ukrai'ni na rubezhi stolit': dosvid social'no-filosofs'kogo analizu / V.P. Andrushhenko. – K.: TOV “Atlant JuEmSI”, 2006. – 502 s.

9. Chelovek i obshhestvo: noosfernoe razvitie: [monografija / O.S. Anisimov, G.V. Atamanчук, V.K. Baturin i dr.; pod red.: V.N. Vasilenko i dr.]. – Moskva; Belgorod: Belgor. obl. tipogr., 2011. – 485 s.

Hlyebnikova A. A., postgraduate Department of Management of Organizations Zaporozhye State Engineering Academy (Ukraine, Zaporizhia), hleb-alka@yandex.ru

Formation and development of information society under the conditions of globalization: theoretical and methodological context

The purpose of scientific research – formation of theoretical bases of information society concept, which is regarded as identifying spiritual culture of modern society. Scientific research of article is based on – conceptualization of information society process under the conditions of globalization, that means as self-organizing system; issues analysis of information society intellectualization which is based on the effective use of the main strategic resource of society – knowledges; detection the place of social networks in the communicative space that can adjust the communication processes in social systems.

Keywords: information society, self-organizing system, intellectualization of society, social network, spiritual culture.

Хлебникова А. А., аспирантка кафедри менеджмента організацій, Запорозька державна інженерна академія (Україна, Запорозж'я), hleb-alka@yandex.ru

Становление и развитие информационного общества в условиях глобализации: теоретико-методологический контекст

Цель научного поиска – формирование теоретических оснований концепта информационного общества, которое рассматривается как выявление духовной культуры современного социума. В основе научного поиска статьи – концептуализация информационного общества в условиях глобализации, которое рассматривается как аутопоэтическая (самоорганизационная) система; анализ проблем интеллектуализации информационного общества, которое базируется на эффективном использовании главного стратегического ресурса общества – знания; выявление места социальных сетей в

коммуникативном пространстве, способных регулировать коммуникативные процессы в социальных сетях.

Ключевые слова: информационное общество, аутопоэтическая (самоорганизационная) система, интеллектуализация общества, социальная сеть, духовная культура.

* * *

УДК 316,324,8

Шедяков В. Е.

доктор социологических наук, кандидат экономических наук, профессор кафедры социологии и гуманитарных дисциплин, Государственный университет телекоммуникаций (Украина, Киев) shedyakov1@gmail.com

ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ, МЕТОДОЛОГИИ И РЕСУРСНЫХ БАЗ НАУЧНОЙ РЕФЛЕКСИИ КАК ФАКТОРА РЕАЛИЗАЦИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫХ КОМПЛЕКСОВ В ИНФОРМАЦИОННЫХ ОБМЕНАХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УРОВНЯ

Проанализированы новые тенденции дальнейшего совершенствования управленческих композиций под влиянием изменений в стратегии выбора, следовательно, возможности, перспективы и угрозы для реализации системного и кризисного менеджмента. Охарактеризованы роль и ресурсные базы стратегий в контексте процессов модернизации. Рассмотрены актуальные вопросы организации и стимулирования желательных изменений.

Ключевые слова: стратегия, ценностно-смысловые комплексы, управление, рефлексия, информационный обмен.

(статья друкється мовою оригіналу)

Эффективное использование изменчивых методологии и ресурсной базы стратегического управления требует постоянного внимания к трансформациям как содержания регулятивной деятельности, так и условий ее осуществления. Завершение одних стратегий – это начало новых [1–7]. Безусловно, социальный уровень информационных воздействий изучается давно, в том числе – с позиций управления изменениями, стимулирования как позитивных, так и негативных общественных мутаций. Вместе с тем, каждая эпоха накладывает свои черты, в том числе предоставляя новые возможности для футуродиагностики, создавая новые угрозы и смещая акценты. Напротив, повторяемость логик исторических сюжетов, с одной стороны, позволяет проследить зависимость результатов от условий осуществления и особенностей действий, а, с другой, – ведет к констатации соединения элементов циклично-волнообразных и необратимых (прогрессивных / регрессивных), что позволяет уточнять инструментарий воздействия [8–10]. При этом, разумеется, средства воздействия существенно трансформируют дерево целей, формируя кластеры позитивных и негативных рисков [11, с. 130–197, 252, 293]. Обработка общественного мнения может предполагать повышение эффективности воздействия за счет ввода в психически нестабильное, не контролируемое рационально, состояние – например, путем психологии послания двойных (взаимоисключающих) команд для невротизации (непонимание + восприятие происходящего как угрожающего) населения. Обеспечение качества жизни и места в геостратегическом балансе сдержек и противовесов в значительной мере зависит от перехода от жизни прошлым: (пост)советским,

(пост)індустріальним і проч. – к активному використанню формуючихся тенденцій і створенню власного Сверхпроекта і, відповідно, вибору адекватної моделі розвитку суспільства. Тотальна фінансизація, глобалізація, інформатизація суспільної і індивідуальної життя – крайні неоднозначні і неоднорідні процеси, розрізняючіся результатами для різних регіонів.

Вивчення закономірностей і випадковостей управління, загального і особливого в прийнятті вибору на рівнях стратегії, тактики і оперативного мистецтва здійснювалося із давніх часів: часто від їх засвоєння залежало виживання. В частині, долі протистояння культурно–цивілізаційних світів вирішувалися і в результаті стратегічних рішень. Разом з тим, визначеність кроків і дій складалася під впливом загальнокультурної домінування. Причому значення життєдіяльності: людської і культурно–цивілізаційних світів – визначають напрямленість, темпи, форми і черговість трансформації їх конкретних характеристик, але самі проявляють себе як сторони ціннісного сприйняття оточуючого. Ціннісні ієрархії і життєві значення неотъемлемі одні від інших і постійно взаєморезонують. Відповідно, ціннісно–смыслові комплекси діють спільно: з однієї сторони, цінності окрашують характер і напрямленість значень, з іншої – вони наповнюють значенням те або інші дії, визначають напрямленість інтереса як пізнавального, так і конструктивного. Багатоманітність соціокультурних репрезентацій за рахунок формування ціннісно–смыслових комплексів забезпечує не тільки зміцнення ядра культурно–цивілізаційного світу, але і формування саморегулюючих і саморозвиваючих механізмів, закорінених в традиції, звичаї, нормах і передаються механізмами соціальних успадкування і пам'яті, але і переваги до шляху, етапам і черговості різних соціально–політичних трансформацій. Факти соціальної життя отримують символічне значення, що демонструє стратегічність рішень, і подібно оголошенню якої–то таємниці, її публічним схваленням, після чого складно буде змінити рішення. Легітимізація намірів в діях – символ здійснення намірів по відношенню до подій, а також спосіб публічно довести істинність своїх мотивів. Також частим варіантом є бажання підтримуватися традицій суспільства і груп, закріплених і в інститутах суспільства, і в неінституціоналізованих освітніх формах.

Відмінність стратегії як ремесла, мистецтва і науки відносилось не тільки до військових, але і до соціальних процесів, тенденціям суспільних змін. Новий імпульс теорії і практика використання інформаційного обміну для досягнення своїх стратегічних цілей отримали з розширенням ресурсної бази в період бінарної стратегічної протистояння часів холодної війни. Впливати на наступне розвиток концепції вдалося і досягнення Е.Бернейза (створитель теорії PR), Б.Л. Гарта (стратегія непрямих дій), В.Ліппмана (суспільне думка),

М.Мак–Лугана (світове село), С.Каннінгем (теорія пропаганди), Е.Нозль–Нойман (спіраль мовчання). В сучасних умовах різноманітності теорії застосування інформаційного обміну в цілях конкуренції макрорегіонів представляють Дж.Арквілла і Д.Ронфельдт (використання горизонтальних комунікацій і мережних структур), Р.Мак–Чесні (вплив концентрації СМІ на систему демократії), Е.Аронсон і Е.Пратканіс (психологія соціальних впливів), Дж.Най (м'яка сила), М.Кунцік (маніпуляція свідомістю в СМІ), Х.Кепплінгер (вплив СМІ на формування суспільного думки), В.Донсбах (теорія медіадемократії), В.Фаркаш (моделі формування і застосування політичних міфів), Х.Лейбенштейн (ефект приєднання до більшості: ефект сноба і ефект Веблена), Д.Леонтьев (методика межових значень), А.Денісов, С.Кара–Мурза, І.Панарін, А.Кокосин, В.Катякало (виробництво контрманіпуляційної стратегії інформпротистояння), С.Грін'єв (війни в кіберпросторі), Н.Волковський (історія інформаційних зіткнень), Д.Гавра, К.Гаджієв, О.Горбушина (іміджологія і соціальні комунікації), Д.Шарп (ненасильственні методи боротьби) і др. Достатньо відомі форми наукового дослідження інформаційного впливу стали концепції підшкірної игли (Hypodermic), потребностей і задоволень (Uses & Gratifications), встановлення порядку дня (Agenda Setting), вибірності сприйняття, зворотного впливу на формування порядку дня (Reverse Agenda Setting). Відповідно, сьогодні, при актуалізації завдань забезпечення інформаційного суверенітету і захисту від інформаційних шляхів втручання в внутрішні справи народу, підвищенні ролі соціально–інформаційних ресурсів зміцнення своїх конкурентних позицій і запобігання використанню інформаційної сфери для дестабілізації життєдіяльності країни особливості взаємодій саме стратегічного рівня в багатоманітному визначаються стратегією інформаційних впливів на соціальному рівні з переформатуванням суспільного свідомості і трансформацією базових ціннісно–смыслових комплексів. Постсовітські і постіндустріальні трансформації наклали на розглядаєміся процеси нові риси, в яких все більш виражені проступає зростаюче значення ціннісно–смыслових комплексів конкуруючих культурно–цивілізаційних світів.

Досягнення відомих наукових шкіл аналізу системи цінностей і оцінки культурної системи суспільства: від Дж.Мура до А.Абішевої, С.Анісімова, Л.Аннінського, Л.Архангельського, Е.Афоніна, А.Ах'єзера, В.Бакірова, О.Балакіревої, С.Батеніна, Ю.Борисової, В.Брожіка, А.Бузгаліна, І.Вітаньї, Г.Гака, Е.Головахи, О.Дробніцко, Н.Журавл'євої, А.Здравомыслова, В.Зырянова, І.Ільїнського, М.Кагана, Д.Кірюхіна, М.Князевої, Н.Козлової, І.Кона, Д.Куповської, Ю.Левенца, В.Лекторського, М.Лівшица, Б.Маліновського, Г.Малыгіної, С.Матвеевої, В.Межуєва, В.Ожогіна, Н.Паніної, В.Паніотто, Н.Победи, Г.Померанца, І.Попової,

А.Радченко, Л.Розина, А.Ручки, Л.Сараскиной, Э.Соловьева, А.Спиркина, В.Толстых, В.Тугаринова, А.Уледова, Л.Фоминой, Ю.Шайгородского, В.Ядова и др. – являются надежной основой дальнейшего совершенствования как государственного управления, так и местного самоуправления. Эффективное развертывание этого инструментария в складывающихся условиях предполагает применение многочисленных исследований по вопросам социального управления, путем стимулирования изменений.

Соответственно, задачей данной статьи является изложение результатов исследования роли научной рефлексии и базовых ценностно–смысловых комплексов для осуществления информационного обмена стратегического уровня. В частности, целью статьи является уточнение специфики методологии и ресурсной базы стратегии постсовременных взаимодействий, создающее основание для дальнейшего совершенствования управленческих композиций: никакие популярные правила не дают гарантии автоматизма их действия и эффективного результата использования в нашей текучей реальности (по выражению З.Баумана). Напротив, успех венчает усилия, которые становятся “адаптацией” подходов к конкретным условиям, базируются как на правилах, так и на отступлениях от общего контекста. Соответственно, часто выигрыш – следствие именно нарушения искусственных ограничений и творческого использования конкретной специфики обстоятельств противоборства. Так что критично важным становится отслеживание динамики методологии и в отступлении от всеобщего к своеобразному.

При усилении разнокачественных и разнонаправленных процессов существования и развития общества (иногда связываемых с моделями постмодерна), роль культурного остова для сохранения и наращивания социальности (социальной ткани, социального капитала) кардинально возрастает. Соответственно, если раньше принципиальные вопросы конкуренции культурно–цивилизационных миров решались в силовом противостоянии: военном или экономическом, то теперь на передний план состязания уверенно выходят ценностно–смысловые комплексы, умение защитить и обеспечить развивающимися формами свои и адсорбировать (адаптировать полезные и воспрепятствовать вредоносным) чужие. На этом фоне особенно важными становится изучение процесса оценки, особенностей ценностей, ценностных иерархий, концептуальных коррелятов ценностей, ценностно–смысловых комплексов в культурной системе общества.

При этом подъем места знаний и культуры в ценностной иерархии общества ведет к подъему самого общества – и наоборот, развитие общества повышает ценности, связанные с образованием и культурой. Специфика эпохи, связанная с повышением как позиции больших масс народа для осуществления выбора исторического масштаба, так и воздействия виртуальных ресурсов на реальный мир, ведет к повышению и роли интерпретации событий (происходящих в настоящем и произошедших в прошлом), и разнообразия диапазон давления. Характер жизненных предпочтений населения, его восприятия и

отношения к знанию и информации напрямую зависит от политики глобальных, региональных и местных СМИ, которые и объясняют, что именно знают и чувствуют люди, в каком соотношении находятся элементы происходящего между собой, что из этого следует и каковы ценностные характеристики событий и процессов. Таким образом, трансформируется представление о знании. Соответственно, вымышленные сюжеты способны оказать влияние на массовое восприятие и реальное положение дел, то есть обеспечить асимметричное увеличение мощи воздействия актора. Тем самым, собственно общественная ценность образования получает дополнительную нагрузку, связанную с безопасностью и развитием культурно–цивилизационного мира.

При этом представления о научной рефлексии и ее значении для процессов социогенеза историчны. Как известно, традиционная культура аграрного общества реализовывала основную функцию управления интеллектуальной деятельностью в рамках формулы “делай так, потому что так делалось до тебя”. В индустриальном обществе с культурой модерна генерализирующим направлением управления было “делай так, потому что это рационально”. Для постиндустриального общества характерен подход “делай так, потому что это эффективно”. Причем эффективными могут быть самые разные парадигмы осуществления управленческих композиций. Культура постмодерна постиндустриального общества принципиально открыта, деидеологизирована, ненасильственна, базируется на развитии преимуществ, а не ликвидации недостатков. В этом – ее ведущее отличие, потому этот признак пронизывает успешную организацию и управление деятельностью, особенно – имманентной эпохе деятельностью интеллектуальной. Обширный перечень происходящих кардинальных изменений достаточно часто фокусируют в определении постмодерной трансформации или постмодернизации, имеющей длинный ряд собственных характеристик, особенностей и свойств. Их существенная часть проспектирует из особенностей информационной эры, сопряженной с повышением значения экономики знаний и деятельности когнитариата с его особенностями ценностно–смысловых иерархий (которые зиждутся на чувствах собственного достоинства, гордости за свою работу, профессионализма и перечеркивают подходы, основанные на подобоострастии, сервильности, заискивании, угодничестве и т.п.) с соответствующими стимулами. Разумеется, при этом, с одной стороны работа теряет качество единственного мерила жизнедеятельности (если ранее и образование – подготовка к ней, и пенсия – плата за нее), с другой, – тем теснее ее интегрированность в иные сферы жизнедеятельности, значительнее диффузия навыков из одной сферы общественных отношений в остальные.

В XXI столетии управление знаниями представляет один из ведущих вызовов в целом. Сегодня уже очевидно: не только обеспечение конкурентоспособности отдельной хозяйственной структуры, но и стратегическое выживание и развитие Сверхпроекта каждого из культурно–цивилизационных миров в обществе знания напрямую зависит от судьбы

эффективных научно–образовательно–производственных комплексов. Ныне дополнительные вложения “в человека” – это отнюдь не обременительная социальная нагрузка, а неперемное условие качественного участия в конкурентной борьбе на верхних этажах экономики, где место экономии на переменном капитале в качестве магистрального направления получения стратегического выигрыша занимает творческая интеллектуальная деятельность, требующая тщательной подготовки и обеспечения, в том числе, путем качественных стимулирования и управления. После механизации, автоматизации и роботизации за человеком остается то, что не подпадает под этот процесс и сконцентрировано вокруг творческого развертывания его сущностных сил; основной источник стоимости ныне – творческий, прежде всего интеллектуальный, потенциал, а не психофизические усилия сотрудника, приоритет стратегий развития – производство знаний и эффективное применение них, добавленная стоимость распределяется с учетом затрат производителя, демократизируются системообразующие отношения общества (труда, собственности, управления), трансформируется потребление, ликвидируются основы классических форм отчуждения. Конкурентоспособность и успех обеспечиваются развитием и реализацией личности и персонализацией деятельности, а отнюдь не нивелированием людей и усреднением функций.

Переход к мелкосерийному производству с частой переналадкой циклов требует готовности персонала, прежде всего, благодаря владению базовыми методологиями и путями их творческой адаптации к конкретным условиям постсовременности и особенностям участка деятельности. И в социальном плане каждый должен также быть готов к непрерывному процессу изменений, предусматривающему сосуществование, перекрещивание и сорезонирование самых разнообразных тенденций развития, среди которых уже ни одна не может претендовать на исключительное значение, которое позволяло бы без ущерба абстрагироваться от прочих. При этом переход к логике постмодерна, к логике свободы является и отказом от признания единственно оптимальным любого базиса развития, всякой методологии и подхода. Все это повышает значение качества методологической подготовки и творческого подхода, основанных на растущих требованиях к научной рефлексии.

Так, длительное время наука и образование были дополнительны к производительному труду, однако уже его промышленная стадия кардинально изменила отношение и требования к их качеству и роли. Дальнейшие же трансформации вели к превращению и образования (самообразования) в непрерывный процесс, и науки в первую (ведущую) производительную силу общества через положение непосредственной производительной силы. Для высвобождения своего созидательного потенциала наука обретает характеристики постнеклассической, интегрируя методы и возможности разных сфер знания. При этом, с одной стороны, научно–образовательные структуры комплекса обязаны предоставлять

качественные услуги своего профиля, воспитывая (именно образовывая, формируя) человека не только как носителя товара рабочая сила, но и как личность, подготавливая к встрече с вызовами постсовременного уровня. С другой, – для этого необходимо опираться на широкое привлечение заинтересованных в результатах подготовки представителей различных групп. Сегодня же, при усилении в глобальном масштабе структурирующего, системообразующего значения общества знаний, овладение научной рефлексией и управление на подготовленной ею основе интеллектуальной деятельностью становится решающим условием обеспечения успеха социально–экономического развития общества. Их миссия – развить, высвободить и активизировать созидательный интеллектуальный потенциал, опираясь на кардинально разнокачественные ресурсные базы и интегрируя не только имманентные возможности, но и эффективные и способные к развертыванию в новых условиях моменты социального наследия предшествующих моделей (прежде всего, наработанных Традицией и Модерном). Их основная организационная форма – научно–образовательно–производственные комплексы, помогающие осуществлять непрерывное обучение (самообучение), научное и производственное творчество. Управленческого технократизма с его “холодным”, “объективированным” управлением и приоритетным требованием исполнительской лояльности совершенно недостаточно: он не высвобождает всего созидательного потенциала. При этом необходимость нового Сверхпроекта развития накладывается сегодня на нерешенность задач и классического модерна, сосуществование хозяйственных укладов, базирующихся на культуре традиционной, современной и постмодерной, обществе аграрном, индустриальном и постиндустриальном, включающем канву и логику азиатского способа производства, настоящего на всеобщей частной собственности, что влечет применение понятий пост(недо)модерна или квази(пост)модерна и широкое регулятивное использование ряда иррационально–превращенных форм. Вместе с тем, сегодня форсированная трансформация инверсионно включает в себя “в снятом виде” элементы классической вестернизации, однако же отнюдь не сводится к ним.

В этих условиях для успешного достижения целей новой модернизации необходимо и оправданно привлекать ресурсные базы как модернизации (домодернизации недомодерна), так и постмодернизации. Общее процветание сегодня связывается, скорее, с ценностно–смысловыми комплексами не праздности и потребительства, а созидания и творческого поиска. Соответствующим образом, и постсовременное понимание общества всеобщего благосостояния предполагает не скопление разнообразных социальных иждивенцев и их услуги, а активную поддержку творчества (прежде всего, интеллектуального и духовного) с реализацией приоритета человека, его прав и свобод; социальной справедливости, то есть социального равенства людей в правах и возможностях; солидарности, понимаемой как выражение общности человечества и сочувствия к жертвам несправедливости.

Для успеха рефлексивной модели управления общественными преобразованиями насущной становится стратегическая смена парадигм, что предопределяет первенство ценностно-смыслового уровня трансформаций. Отказ же от своих стратегий обрекает на утрату субъектности и превращение в объект стратегий чужих, следовательно, на отчуждение от собственных смыслов и ценностей и внешнюю эксплуатацию. Вместе с тем, зачастую, важно уметь не пытаться навязывать свое, а делать его привлекательным, используя чужое для защиты своих интересов. Углубление и расширение масштабов разнообразных аспектов всеобщего кризиса: социального, финансового, производственного и проч. – становится важнейшим условием продления жизнедеятельности западно-христианской цивилизации в ее (пост)современной общественно-исторической форме. Соответственно, цена сохранения этой модели – распространение кризиса. Вместе с тем, возможности постмодерна отнюдь не исчерпываются угрозами контрмодерна, хоть и могут сорваться в них, в частности – из-за ошибочности сочетания стратегии, тактики и оперативного искусства трансформаций [12–19]. Исчерпание линейной логики западного доминирования усиливает ризомические процессы. Впрочем, альтернативный привычному характер их природы порой интерпретируется как парадоксальность восприятия.

Прежде всего, требуется осознанный переход от превалирования привычек и стереотипов директивного администрирования к практикам и технологиям стимулирования: на индивидуальном уровне – деятельности, на общественном – желательных трансформаций. Построение же модели формирования стимулов интеллектуальной деятельности позволяет выделить в ней элементы непосредственные (производство, потребности, интересы, стимулы, заинтересованность, отношение к труду, творческая активность) и косвенные (опосредствование стимулов влиянием способностей, целей и ценностей, усиления роли мотивов). Исчерпание прямых рычагов ставит задание более активного использования косвенных. От комплекса формирования стимулов следует отличать систему их реализации в хозяйственной практике (собственно стимулирование), которая охватывает подсистемы распределительную и воспроизводственную, а также стимулирование более полного развития способностей и повышения заинтересованности каждого. Целостное стимулирование и распределение в широком значении должны охватить распределение денежных сумм, самой деятельности, а также рост самостоятельности, организацию труда, индивидуализацию поощрения и наказания в зависимости от иерархий потребностей, интересов, целей, ценностей. Поскольку в социальных коммуникациях осуществляется передача не только “инструкций”, но и “ценностей”, “идеалов”, “смыслов”, то при этом формируются не только рациональные, но и иррациональные составляющие жизнедеятельности общества. Изучение ценностно-смысловой организации различных типов хозяйственных общностей и культурно-цивилизационных миров, а также предоставляемых социально-экономической

компаративистикой альтернативных подходов при характеристике функционирования и развития систем и бессистемных целостностей демонстрирует влияние на ход новой модернизации баланса между историческими особенностями организации ведущих ресурсных баз научно-образовательно-производственных комплексов и их адаптационными возможностями.

Таким образом, весомое значение в структуре сущностных сил ценностно-смысловых комплексов и всего культурно-цивилизационного мира, и отдельного человека всегда имеют его ценности. С общесоциальной точки зрения ценностями выступают объекты, качества, формы деятельности, имеющие существенное значение для реализации социальных интересов, осваиваемые общественным сознанием и сознанием личности в виде нравственных, идеологических и прочих норм, принципов, идеалов. Ценности фиксируют значимость объекта в отличие от факта его существования. Ценности – элементарная единица человеческой материальной и духовной культуры, богатства цивилизации и центральный феномен ценностной ситуации. Ценностная ситуация включает в себя предметные ценности (ценностные характеристики предмета), ценностные представления (ценностное сознание), процессы полагания ценностей-смыслов, ценностей-идеалов и норм-требований при создании концепции поведения и регулирования деятельности целями или нормативами, ценностные ориентации, которые могут и не осознаваться, а также оценку (взаимооценку). Причем каждый из этих феноменов сам по себе не только не создает ценность, но и может существенно отличаться от нее. Объективная реализация и субъективное использование ценностно-смысловых комплексов существенно трансформируется в условиях культуры традиционной, современной и постмодерной. Качество же их влияния на социальность того или иного культурно-цивилизационного мира во многом обеспечивается его доминирующими мифологемами. Следовательно, диалектика субъективного и объективного, целенаправленного и стихийного, закономерного и случайного факторов мифотворчества становится важнейшим звеном продуктивности.

И именно ценностно-смысловые комплексы культурно-цивилизационных миров, переходя в матрицы ментальных кодов народов, влияют на состояние и вектор трансформаций эмоционального интеллекта общества, предопределяют общественные предпочтения, поведение и исторический выбор. Ценностно-смысловые комплексы – это регулярно воспроизводящиеся духовно-нравственные и мировоззренческие структуры, включающие в себя элементы как кросскультурные, так и специфические для каждого конкретного культурно-цивилизационного мира. Их содержание тесно связано с особенностями ценностных иерархий. Разнообразие культурно-цивилизационных миров: более или менее агрессивных/консервативных со своими векторами изменений – отражает не только особенности ценностно-смысловых комплексов, но и этапность их созревания. На каждом историческом этапе общественного развития социальное содержание системы общественных отношений или отдельного ее

вида может существенно изменяться, доминировать различные социальные ценности, нормы, потребности, идеалы и др., но базовые ценностно-смысловые комплексы культурно-цивилизационных миров определяют закономерности этих трансформаций. Ценностно-смысловые комплексы жизнедеятельности: человеческой и культурно-цивилизационных миров – определяют направленность, темпы, формы и очередность метаморфоз, особенности их конкретных характеристик, но сами проявляют себя как сторона ценностного восприятия окружающего. Культурно-цивилизационные миры различаются между собой составом элементов (хотя эти различия нивелируются в процессе исторического развития), структурой связей между ними, интенсивностью проявления или осуществления функций, формами включения элементов в систему и т.д. Учитывая многообразие этих элементов (религиозные, социальные, идеологические, технологические, моральные, правовые и пр.), формы их взаимодействия и способы проявления в процессе жизнедеятельности общества, можно говорить о мощном социокультурном континууме. Главным же богатством становится осознание единства и отличий исторической судьбы культурно-цивилизационных миров, формирующее суперэтноты будущего. Вместе с тем, например, за счет использования формируемых вокруг мифо-символических конструкций ценностно-смысловых комплексов, удается эмоционально окрашивать интерпретации происходящего, предвосхищать выбор, обходя существующие самозапреты и интеллектуальные ограничения.

Ценностно-культурная подсистема региона представлена совокупностью ценностей, разделяет большинство населения региона и отделяющие его от других. Именно регионы часто формируют каркас мировосприятия символов, создают его внутреннюю структуру. Поэтому, например, борьба за якобы мифологемы и традиции прошлого оборачивается совсем прагматичным выбором будущего. Следовательно, механизмы и социальные технологии “мягкой” силы и гибкого управления часто базируются на фундаментальных уровнях человеческой личности, открывает дополнительные возможности и ликвидирует определенные ограничения в продуктивной работе с реальностью при организации межсистемных информационных потоков: если жесткая сила основана на принуждении, то мягкая – на формирование привлекательности желательна для объекта влияния. Имеет место своеобразное “оборачивание основания”: если “инструментальные ценности формируются интересами и потребностями человека, то фундаментальные – сами формируют. Иначе говоря, и на достаточно динамичном актуальном “бытовом” уровне мировосприятия открываются дополнительные ниши воздействия. Это расширяет возможности борьбы не столько силовой, физической, сколько за сознание и подсознание человека, позволяет не побеждать путем ликвидации человека, а делать привлекательной желаемое поведение. Исследования по психозондированию дополнительно демонстрируют: человек не просто использует, “оперирует” мифическими впечатлениями, он живет среди них и ними. Общность государства, политической нации,

организации обеспечивается общими ценностями, смыслами и мифами. Ценностно-смысловые комплексы определяют не только расстояние, которое в состоянии преодолеть конкретный культурно-цивилизационный мир, не только скорость и ловушки движения на этом пути, но и сам путь, сами оси прогресса. В целом тип культуры и тип богатства – два выражения ценностного бытия общества.

Таким образом, ценностно-смысловые комплексы складываются и реализуются на двух основных уровнях, значимо различающихся между собой: мировоззренческом и функциональном – формируя, соответственно, подсистемы ценностно-мировоззренческих и ценностно-функциональных комплексов, которые отражают, по преимуществу, идеально-духовные и реально-бытовые срезы бытия. С одной стороны, в повседневной жизни, принимая решения и осуществляя свой выбор, человек во многом руководствуется ценностными коррелятами, с другой, – они предопределяют и характер участия в социальном поле культурно-цивилизационного мира. Если утилитарно-прагматические ценности производны от способа производства непосредственно либо через структуры потребностей, то абсолютные ценности, ценности-идеалы влияют на производство как первичные. Для них достойными могут быть признаны лишь сугубо личные, соответствующие общественно-необходимым уникальным особенностям каждого и потому находящиеся вне конкурса цели. Их образ – окно в инобытие, форма взаимоперехода идеального и реального; образ способен не только материализоваться, но и предсказывать свою материализацию. Это – лик (не личина, не лицо) человеческой культуры.

Социальные субъекты по разному подходят к пониманию исторического процесса в силу того, что каждый из них обладает своими собственными психологическими и физиологическими характеристиками, аксиологическими и мировоззренческими установками. Подобная ситуация закономерна по своему характеру, так как в действительности исторический опыт представляет собой не только близость, сочетание человеческих позиций, но и их противопоставление, столкновение, то есть речь идет о жестком переплетении различных тенденций, скрещивающихся или отталкивающихся в понимании людей, которые способствуют накоплению опыта. Как правило, например, представители современного стиля поведения в большей мере стремятся к самореализации, потому в целом их ценности рационализируются, а они более активны и уверены в себе, тогда как аграрное население традиционных производств больше ориентировано на социальное окружение, конформизм и традиции. Как известно, в организационной культуре и превалирует или агрессивный подход (разрешения и запрещения), или миролюбивый (предписания и заповеди). Соответственно, доминируют отношения либо конкуренции, либо партнерского сотрудничества. Эти главенствующие подходы пронизывают системы мировоззрения, ценностей и норм, убеждений и отношений (мифов, обрядов, ритуалов), а соответственно, и восприятия роли изменений, фактора

времени, отличий по признакам пола, возраста, этнических особенностей и т.п., инициируя доминирование индивидуалистической либо коллективистской культуры (которые зримо отличаются в параметрах отношения к вмешательству в личную жизнь, степени влияния организации на самочувствие каждого, патернализма и расчёте на поддержку группой, иерархическое продвижение – исключительно внутри знакомой среды и соответственно стажу либо как внутри, так и вне в соответствии с компетентностью, дистанцирование или сплоченность в социальных коммуникациях, правило “жить, чтобы творить” либо “получать, чтобы потреблять”, стремление быть первым или быть как все, тяга к независимости или солидарности, социальная расположенность к успешным или неудачникам, доминирование логики или интуиции при принятии решений и проч.). Соответственно, частота выражения своего несогласия для культуры с высоким уровнем дистанции власти – преимущественно, низкая, тогда как с низким уровнем – высокая, предпочитаемый стиль управления в первом случае – директивный, во втором – демократический, восприятие неравенства – в первом случае, в основном, как неравенства людей, во втором, как неравенства ролей, отношение к представителям аппарата управления “они” или “мы”, кардинально меняются также доступность руководства, соотношение права и традиции, архитектура социальных структур, размеры дифференциации доходов и состояний, многочисленность периферийных социальных групп, степень информированности членов групп, статусность представителей разных групп, поведенческие особенности в связи с высоким / низким уровнем избегания неопределенности. И если инструментальные, актуальные жизненные ценности вторичны по отношению к иерархиям потребностей, то ценности фундаментальные сами во многом их определяют. Иерархии же ценностей активно участвуют в выработке мотивов активности человека, а в совокупности – его поведенческие характеристики. Ценностно-смысловые комплексы создают ресурсную базу и аппарат своей реализации. Ошибкой было бы при этом как отрицать связь ценностей с потребностями, интересами, способностями, так и сводить их к более фундаментальным родовым силам. Так, нет оснований трактовать ценности как нечто тождественное потребностям или интересам. Именно по близости к последним ценности и делятся на ценности практической деятельности и абсолютные, фундаментальные (“высокие”) ценности. Первые в основном зависят от потребностей, интересов, способностей, целей, вторые сами полагают жизненный смысл всех родовых сил.

Стратегический характер социальных изменений при этом фиксируется системой взаимодействий, также объединяющих конкуренцию и партнерство. Соответственно, устойчивость и развитие общества требует обеспечения прогрессивных форм, позволяющих их реализацию для ценностно-смысловых комплексов конкретного культурно-цивилизационного мира. Качественное задействование спусковых крючков механизмов запуска позитивных изменений во всем культурно-цивилизационном мире

требует приоритетного внимания к управлению изменениями в сфере научно-образовательно-производственных комплексов. Причем из-за большого диапазона последствий использование сегодня социального партнерства, обогащения деятельности, производственной демократии, групповой организации труда, гибкого рабочего времени, корпоративной культуры, проектно-матричного управления и создания на их основе управленческих композиций в состоянии дать большой социетальный эффект, нежели в классической среде. Продуктивное осуществление создания и реализации управленческих композиций по стимулированию желательных изменений (в частности, при помощи информационных факторов) на основе ценностно-смысловых комплексов культурно-цивилизационных миров предполагает гибкий учет (в том числе, за счет принципа превращенных форм) рациональных и иррациональных моментов, ресурсных баз научно-технологических и художественного восприятия. Анализ и интуиция, рациональные и иррациональные факторы прогностики в состоянии взаимно обогащать друг друга. Исторический опыт, социальное предчувствие в интерпретации событий оказываются важнейшим направлением выработки и выбора оптимального управленческого решения [20–24].

Как известно, широкие возможности предпосылки для этого создаются режимом форсайта (от англ. Foresight – взгляд в будущее, предвидение), который в частности, рассматривается как процесс, связанный с систематическими попытками заглянуть в отдаленное будущее науки, технологии, экономики и общества с целью определения сфер стратегических исследований и технологий, которые вероятно могут принести наибольшие экономические и социальные выгоды [25–28]. В совокупности технологии форсайта позволяют не покорно следовать за лидером, а опережать в своем, навязывая собственную повестку дня. Непосредственная помощь науки практике может осуществляться за счет верного отражения и предсказания действительности, а также подготовки средств влияния на нее с прогнозируемым результатом. Если классическое прогнозирование, как правило, в крайней степени субъектно и характеризует особенности научного поиска, то форсайт подключает рассеянное в обществе знание, кооперируя и балансируя под знаменем эффективности самые разнообразные усилия и подходы: anything goes. Соответственно требованиям времени фиксируются и воспроизводятся как состояние озарения, так и конвейерность открытий. Для продуцирования нового используются (и интегрируются в синергетическом всплеске) возможности подсознания и сознания на индивидуальном и социальном уровнях, иррациональные и рациональные оснований творчества. Кооперирование разнокачественных ресурсно-методологических баз предоставляет возможности государственно-частного партнерства, когда оцениваются диапазоны возможностей различных сценариев и моделей развития, освещаются горизонты трансформаций. В частности, важными предвестниками становления и достижения продуктивности применения форсайта являются комплексность и

концентрированность решений и действий, что позволяет оформиться анклавам–кластерам будущего. Они создают “цепную реакцию” и “вытягивают” прочих. Так в обществе формируется комплексная стимуляционная ситуация развития (свернутая схема воспроизведения стимулов поведения и деятельности стимулирование). Кластер и является группой взаимосвязанных акторов, географически соседствующих и взаимодействующих, а также связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере.

Применение методологий форсайт–программирования оказывается крайне созвучным возможностям (пост)современности направлением эффективного синтеза возможностей развития. При наличии процедурно–технологического соответствия, разнообразия и компетентности привлечённых, достаточного, мотивированного и готового к участию в социально значимых коммуникациях экспертного сообщества, гибкого модераторства, верного взвешивания оценки сложившейся ситуации и правильных прогнозах развития кампании, оно может стать серьезным фактором устойчивого развития. Разрабатывая идею Ж.Дерриды о том, что нужны социально–информационные прививки, которые при точном осуществлении, приводят к мутациям социальных систем, современные авторы уточняют: речь может идти не только о негативных, но и о положительных мутациях с переформатированием социальной реальности [29].

Таким образом, сегодня формируется практический и теоретический ответ на исторические вызовы, который во многом определяется тем, будут ли использоваться потенциальные “точки развития” (НИОКР–комплексы, отрасли НТП, технопарки, многие из предприятий ВПК, образовательно–научно–промышленные циклы) для конденсации положительных процессов в соответствии с интересами общества или же будут принесены в жертву политическим планам интеграции во внешние инфраструктуры. Вооружение эффективными технологиями и возможностями работы с информацией, проведения комплексного обеспечения PR / GR: Public Relations (связи с общественностью) – Government Relations (связи с органами государственной власти) является обязательным условием успешного развития любой социально–экономической системы. Социальное управление при этом интегрирует инновации и традиции, светскую, духовную культуру, инструментальные и мировоззренческие ценности, поступательное и циклическое развитие, персонализм и коллективизм, демократию и автократию, унитарность и федерализм, активное и пассивное поведение, отечественный и мировой опыт, отложенный и текущий спрос. Для коррекции государственной, региональной и муниципальной политики имеет смысл анализировать весь комплекс связей “ценности – мотивы – поведение”. Разумеется, в каждом конкретном случае его воздействие накладывается на субъективные особенности личности. Ценностный концептуальный коррелят, формирующий стиль жизни жителя крупного города, складывается под давлением огромных информационных потоков. Субъективные доверие и

предпочтение информационных каналов трансформирует потребительскую избирательность и активность.

При этом с развитием телекоммуникаций контроль над виртуальной реальностью может обеспечить реальную победу в противостоянии, даровать власть над реальностью. Новые медиа сегодня позволяют: дезорганизовать правительство и массы, легитимировать переформатирование сознания и трансформацию реальности, камуфлировать цели и основных действующих лиц и т.п. Соответственно, к числу серьезнейших задач обеспечения общественных безопасности и развития относится доносить свою позицию до глобальной аудитории, обеспечивать свой перевес в ключевых точках, блокировать негативные шумы и защищать собственные ценностно–смысловые комплексы. При этом принцип превращенных форм может стать, с одной стороны, фактором воздействия, основой навязываемых стандартов и шаблонов, с другой, – эталоном взаимовыгодного взаимодействия культурно–цивилизационных миров. Определяющая роль при выборе принадлежит культуре образования и науки. Например, образование (терпимое, разновариантное, высококачественное, методологически фундаментальное, всестороннее, вдохновляемое базовыми идеалами и ценностями, но не превращающееся в рупор официоза) становится обязательным условием защиты и развития своего культурно–цивилизационного мира. Усиление ценностного звучания научной рефлексии, накладываясь на создание объективных предпосылок роста ценности образования, науки, культуры для реализации общественных и личных перспектив, закономерно трансформирует качество и возможности рефлексии.

Дальнейшее развертывание этого направления предполагает как углубление компаративных исследований в сфере соотношения стратегии, тактики и оперативного искусства, так и их особенностей в различных сферах, ныне, прежде всего, – социальном срезе информационной конкуренции.

Список использованных источников

1. Андрущенко В.П. Організоване суспільство. Проблема організації та суспільної самоорганізації в період радикальних трансформацій в Україні на рубежі століть. Досвід соціально–філософського аналізу / В.П. Андрущенко. – К.: АтлантиЮЕМСі, 2006. – 498 с.
2. Бех В.П. Генезис соціального організму країни / В.П. Бех. – 2–е вид., доп. – Запоріжжя: Просвіта, 2000. – 288 с.
3. Полтерович В. Стратегии модернизации, институты и коалиции / В.Полтерович // Вопросы экономики. – 2008. – №4. – С.4–24.
4. Траут Дж. Дифференцируйся или умирай! Выживание в эпоху убийственной конкуренции / Джек Траут, Стив Ривкин. – 2–е изд., обновл. и доп. – СПб.: Питер, 2010. – 304 с.
5. Акофф Р. Искусство решения проблем / Р.Акофф. – М.: Мир, 1982. – 224 с.
6. Ашкерова А. Экспертотократия. Управление знаниями: производство и обращение информации в эпоху ультракапитализма / А.Ашкерова. – М.: Европа, 2009. – 132 с.
7. Фонд стратегической культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fondsk.ru>.
8. Бергер Дж. Сунь Цзы и Клаузевиц: кто более релевантен современной войне / Джордж Бергер // Геополитика. – 2013. – Вып. XXI. Война. – С.63–71 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.geopolitica.ru/magazine/vypusk-xxi-2013-voyna#_U11jb9KzI68.
9. Шедяков В.Є. Процеси суспільного розвитку як об'єкт

стратегічного управління (на прикладі промислових відносин) / В.Є. Шедяков // Гілея. – 2012. – Вип.66. – С.647–653.

10. Шедяков В.Е. К характеристике системных основ регионального и межрегионального информационного взаимодействия в контексте мирового исторического процесса / В.Е. Шедяков // Проблемы инновационного развития территории: междисциплинарный подход: Матер. Всероссийской с междунар. участием науч.-практ. конф. / [Редкол.: А.М. Елохов, В.Ю. Черных, В.Е. Шедяков и др.]. – Пермь, 2012. – Ч.1. – С.180–203.

11. Малган Дж. Искусство государственной стратегии: Мобилизация власти и знания во имя всеобщего блага / Дж.Малган. – М.: Ин-т Гайдара, 2011. – 472 с.

12. Томпсон А.А. Стратегический менеджмент. Искусство разработки и реализации стратегии / А.А. Томпсон, А.Дж. Стрикленд. – М.: Банки и биржи, ЮНИТИ, 1998. – 576 с.

13. Диксон П. Бизнес–тренды: Стратегическое моделирование будущего / П.Диксон. – М.: Эксмо, 2005. – 480 с.

14. Печчеи А. Человеческие качества. Гл.6. Новые стратегии, новый порядок – каковы же цели? / А.Печчеи. – М.: Прогресс, 1985. – 2-е изд. – С.164–209.

15. Шедяков В.Є. Стратегія вибору / В.Є. Шедяков [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://ua-ekonomist.com/3373-strategya-viboru.html>.

16. Шедяков В.Є. Соціальна творчість та інноваційність стратегічного управління / В.Є. Шедяков // Політичний менеджмент. – 2013. – №1–2 (57–58). – С.42–51.

17. Шедяков В.Є. Управління суспільними процесами: методологічні можливості й обмеження / В.Є. Шедяков // Соціальна психологія. – 2013. – №55. – С.157–166.

18. Шедяков В.Е. Организация экономического пространства и социальных коммуникаций: к вопросу о стратегии развития общества / В.Е. Шедяков // Пути сообщения, коммуникации, научные достижения народов Евразии: Матер. Междунар. науч.–практ. конф. – Березники, 1997. – С.122–125.

19. Шедяков В.Е. Стратегические трансформации методологий социального управления в осуществлении общественных интересов культурно–цивилизационного мира / В.Е. Шедяков // Гілея. – 2013. – №76 (9). – С.190–194.

20. Бурева В. Социально–адекватный менеджмент / В.Бурева. – К.: Академия, 2001. – 272 с.

21. Авилон А.В. Рефлексивное управление. Методологические основания / А.В. Авилон. – М.: ГУУ, 2003. – 174 с.

22. Марача В.Г. Управление общественными изменениями: синтез рефлексивного и институционального подходов / В.Г. Марача // Рефлексивные процессы и управление. – 2008. – Т.8. – №2. – С.44–65.

23. Бирштейн Б.И. Стратегии рефлексивного управления в западной и восточной культурах / Б.И. Бирштейн, В.И. Боршкевич // Рефлексивные процессы и управление. – 2002. – Т.2. – №1. – С.27–44.

24. Стратегические коммуникации. Манипуляция сознанием [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ukr.co.at.htm>.

25. Martin B.R. Technology Foresight in a Rapidly Globalizing Economy / B.R. Martin // SPRU – Science and Technology Policy research. – Univ. of Sussex, 1995. – P.2–10.

26. Форсайт: научный журнал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ecsocman.hse.ru/foresight>.

27. Центр стратегических исследований и разработок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://foresight.sfu-kras.ru/node/49>.

28. Елохов А.М. Российский опыт форсайта / А.М. Елохов, Т.А. Елохова // ВУЗ. XXI век. – 2012. – №1. – С.5–27.

29. Бузгалин А.В. Мутантный капитализм как продукт полураспада мутантного социализма / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов // Вопросы экономики. – 2000. – №6. – С.102–113.

References

1. Andrushchenko V.P. Organizovane suspil'stvo. Problema organizatsii ta suspil'noi samoorganizatsii v period radical'nyh transformatsii v Ukraini na rubeshi stolit'. Dosvid sotcial'no-filosofs'kogo analizu / V.P. Andrushchenko. – K.: AtlantUMC, 2006. – 498 s.

2. Beh V.P. Genezis sotcial'nogo organizmu krainy / V.P. Beh. – 2-e vyd., dop. – Zaporizhzhya: Prosvita, 2000. – 288 s.

3. Polterovich V. Strategii modernizatsii, instituty i koalitsii / V.Polterovich // Voprosy ekonomiki. – 2008. – №4. – S.4–24.

4. Traut J. Differentciruisya ili umirai! Vyzhivanie v epohu ubiistvennoi konkurentcii / Jek Traut, Stiv Rivkin. – 2-e izd., obnovl. i

dop. – SPb.: Piter, 2010. – 304 s.

5. Akoff R. Iskusstvo resheniya problem / R.Akoff. – M.: Mir, 1982. – 224 s.

6. Ashkerov A. Ekspertokratiya. Upravlenie znaniyami: proizvodstvo i obrashchenie v epohu ultrakapitalizma / A.Ashkerov. – M.: Evropa, 2009. – 132 s.

7. Fond strategicheskoi kul'tury [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.fondsk.ru>.

8. Berger J. Sun' Tzy i Klauzevitc: kto bole relevanten sovremennoi voine / Jorj Berger // Geopolitika. – 2013. – Vyp.XXI. Voyna. – S.63–71 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.geopolitika.ru/magazine/vypusk-xxi-2013-voyna#U11jb9Kz168>.

9. Shedyakov V.E. Protsesy suspil'nogo rozvytku yak ob'ekt strategichnogo upravlinnya (na prykladi promyslovyh vidnosyn) / V.E. Shedyakov // Gileya. – 2012. – Vyp.66. – S.647–653.

10. Shedyakov V.E. K harakteristike sistemnyh osnov regional'nogo i mezhtregional'nogo informatcionnogo vzaimodeistviya v kontekte mirovogo istoricheskogo protsessa / V.E. Shedyakov // Problemy innovatcyonnogo razvitiya territorii: mezhdyscyplinarnyi podhod: Mater. Vseros. s mezhdunar. uchastiem nauch.–pract. konf. / [Redkol.: A.M. Elokho, B.U. Chernyh, V.E. Shedyakov i dr.]. – Perm, 2012. – Ch.1. – S.180–203.

11. Malgan J. Iskusstvo gosudarstvennoi strategii: Mobilizatsiya vlasti i znaniya vo imya vseobshchego blaga / J.Malgan. – M.: In-t Gaidara, 2011. – 472 s.

12. Tompson A.A. Strategicheskii menejment. Iskusstvo razrabotki i realizatsii strategii / A.A. Tompson, A.J. Striklend. – M.: Banki i birzhi, UNITI, 1998. – 576 s.

13. Dikson P. Biznes–trendy: Strategicheskoe modelirovanie budushchego / P.Dikson. – M.: Eksmo, 2005. – 480 s.

14. Pechchei A. Chelovecheskie kachestva. Gl.6. Novye strategii, novyi poryadok – kakovy zhe tseli? / A.Pechchei. – M.: Progress, 1985. – 2-e izd. – S.164–209.

15. Shedyakov V.E. Strategiya vyboru / V.E. Shedyakov [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://ua-ekonomist.com/3373-strategya-viboru.html>.

16. Shedyakov V.E. Sotcial'na tvorchist' ta innovatciunist strategichnogo upravlinnya / V.Shedyakov // Politychnyj menejment. – 2013. – №1–2 (57–58). – S.42–51.

17. Shedyakov V.E. Upravlinnya suspil'nymi protcesami: metodologichni mozhylosti i obmezheniya / V.E. Shedyakov // Sotcial'na na psychologiya. – 2013. – №55. – S.157–166.

18. Shedyakov V.E. Organizatsiya ekonomicheskogo prostranstva i sotcial'nyh kommunikatsii: k voprosu o strategii razvitiya obshchestva / V.E. Shedyakov // Puti sobshcheniya, kommunikatsii, nauchnye dostizheniya narodov Evrazii: Mater. Mezhdunar. nauch.–prakt. konf. – Berezniki, 1997. – S.122–125.

19. Shedyakov V.E. Strategicheskije transformatsii metodologii sotcial'nogo upravleniya v osushchestvlenii obshchestvennyh interesov kul'turno–tcivilizacionnogo mira / V.E. Shedyakov // Gileya. – 2013. – №76 (9). – S.190–194.

20. Burega V. Sotcial'no–adekvatnyi menejment / V.Burega. – K.: Akademiya, 2001. – 272 s.

21. Avilov A.V. Reflexivnoe upravlenie. Metodologicheskie osnovaniya / A.V. Avilov. – M.: GUU, 2003. – 174 s.

22. Maracha V.G. Upravlenie obshchestvennymi izmeneniyami: sintez reflektivnogo i institutcional'nogo podhodov / V.G. Maracha // Reflexivnyye protsessy i upravlenie. – 2008. – Т.8. – №2. – S.44–65.

23. Birshtein B.I. Strategii refflexivnogo upravleniya v zapadnoi i vostochnoi kul'turah / B.I. Birshtein, V.I. Borshkevich // Reflexivnyye protsessy i upravlenie. – 2002. – Т.2. – №1. – S.27–44.

24. Strategicheskije kommunikatsii. Manipulyatsiya soznaniem [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.ukr.co.at.htm>.

25. Martin B.R. Technology Foresight in a Rapidly Globalizing Economy / B.R. Martin // SPRU – Science and Technology Policy research. – Univ. of Sussex, 1995. – P.2–10.

26. Forsait: nauchnyi hurnal [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.ecsocman.hse.ru/foresight>.

27. Zentr strategicheskikh issledovaniy i razrabotok [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://foresight.sfu-kras.ru/node/49>.

28. Elokho A.M. Rossiiskii opyt forsaita / A.M. Elokho, T.A. Elokho // VUZ. XXI vek. – 2012. – №1. – S.5–27.

29. Buzgalin A.V. Mutantnyi kapitalizm kak produkt poluraspada mutantnogo sotcializma / A.V. Buzgalin, A.I. Kolganov // Voprosy ekonomiki. – 2000. – №6. – S.102–113.

Shedyakov V. E., Dr.Sc. (Sociology), Ph.D. (Economics), Prof. of Chair of Sociology and Humane Sciences (Ukraine, Kyiv), shedyakov1@gmail.com

Changing of role, methodology and resource bases of scientific reflection as a factor of realizing and using of value-semantic complexes at strategic level of information exchanges

New trends to further improve the management of compositions influenced by changes in the strategy of choice, therefore, opportunities, prospects and threats for the implementation of the system and crisis management were analyzed. The role and resource bases of the strategies in the context of the modernization process were characterized. Actual questions of organization and promotion of desirable changes were examined.

Keywords: strategy, value-semantic systems, management, reflection, information exchange.

Шедяков В. Є., доктор соціологічних наук, кандидат економічних наук, професор кафедри соціології і гуманітарних дисциплін, Державний університет телекомунікацій (Україна, Київ), shedyakov1@gmail.com

Зміна ролі, методології та ресурсних баз наукової рефлексії як чиннику реалізації та використання ціннісно-сміслових комплексів в інформаційних обмінах стратегічного рівня

Проаналізовані нові тенденції подальшого вдосконалення управлінських композицій під впливом змін у стратегії вибору, отже – можливості, перспективи та загрози для реалізації системного та кризового менеджменту. Охарактеризовані роль та ресурсні бази стратегій рефлексивної пост модернізації в контексті процесів розвитку. Розглянуті актуальні питання організації та стимулювання бажаних змін.

Ключові слова: стратегія, ціннісно-сміслові комплекси, управління, рефлексія, інформаційний обмін.

* * *

УДК 37.03

Москалик Г. Ф.
кандидат філософських наук, здобувач,
Національний педагогічний університет
ім. М. П. Драгоманова
(Україна, Київ), 05031985@ukr.net

**ФОРМУВАННЯ
ІНФОРМАЦІЙНО-КОМУНІКАЦІЙНОГО СЕРЕДОВИЩА**

Аналізується природа та сутність сучасного інформаційного суспільства з його розмаїтими інформаційними об'єктами, технологіями, знаннями, організаційними структурами тощо; автор стверджує, що таке середовище функціонує в особливому інформаційному просторі, який формує новий життєвий простір взаємодії між людьми; відзначається актуальність спроб науковців окреслити основні, фундаментальні ознаки інформаційного суспільства, необхідність уточнення поняття, природи та джерел формування інформаційно-комунікаційного середовища, зокрема, в Україні.

Ключові слова: інформаційний простір, інформаційно-комунікаційне середовище, освітнє інформаційно-комунікаційне середовище.

Інформаційно-комунікаційні технології за короткий час стали невід'ємною складовою сучасного суспільства. У багатьох країнах світу вільне володіння цими технологіями є складовою інформаційно-комунікаційного середовища, яке сприяє підвищенню якості освіти, а також удосконаленню організації не тільки навчально-виховного процесу, але й управлінню різними закладами.

Інформаційне середовище – це частина інформаційного простору (сукупність знань, що мають цінність у вигляді економічного ресурсу, який сприяє розвитку тих чи інших секторів громадського життя), яка формує найближче інформаційне оточення індивіда, є сукупністю умов, що забезпечують його продуктивну діяльність. Зокрема, у навчальному закладі формується інформаційне освітнє середовище, яке включає систему апаратних засобів, програмне забезпечення, фахівців і користувачів, бази даних тощо, які реалізують інформаційні процеси. Компонентами інформаційного

освітнього середовища є: медіатеки, сайти, віртуальні інформаційні дошки, електронні навчальні програми, методичні розробки, ресурси Інтернету та підсистеми, які забезпечують реалізацію функцій документообігу, моніторингу й управління освітою тощо. Однією з основних властивостей інформаційного середовища є, на думку І.А. Носкова, його відкритість [1, с. 34].

У 90-і рр. ХХ ст., коли відбувалося становлення базових понять інформатизації, вважалось, що інформаційне середовище – це системно організована сукупність установ, баз даних, локальних і глобальних інформаційних мереж, книжкових фондів бібліотек, система функціональної і територіальної адресації та нормативних документів, а також сукупність засобів передачі даних, інформаційних ресурсів. “Сьогодні, як зазначає В.І. Солдаткін, у психолого-педагогічних публікаціях набули поширення різні варіанти цієї категорії: “інформаційне середовище”, “інформаційно-навчальне середовище”, “інформаційно-освітнє середовище”, “інформаційно-педагогічне середовище”, “комп'ютерно орієнтоване середовище” тощо [2, с. 168]. Для характеристики сучасного інформаційного середовища на основі використання комп'ютерних і мережевих технологій для підтримки процесу навчання застосовують й інші терміни та їх варіанти. Серед них: мережеве середовище навчання (networked learning environment), інтерактивне середовище (interactive environment), віртуальне навчальне середовище (virtual learning environment), середовище дистанційного навчання (distant learning environment) тощо. Поєднати всі названі поняття можна за допомогою терміна інформаційно-комунікаційне середовище – сукупність умов, які забезпечують діяльність користувача з інформаційним ресурсом (у тому числі розподіленим) за допомогою інтерактивних засобів ІКТ, що взаємодіють із ним як із суб'єктом інформаційного спілкування й особистістю. Інформаційно-комунікаційне середовище включає безліч інформаційних об'єктів і зв'язків між ними; засоби і технології збирання, накопичення, передавання (трансляції), оброблення, продукування та поширення інформації; власне знання; засоби відтворення аудіовізуальної інформації; організаційні та юридичні структури, що підтримують інформаційні процеси. Що ж ми розуміємо під інформаційним середовищем? Згідно з Л. Є. Петуховою, це: “середовище, що постійно і все більш агресивно збільшує мотивацію підростаючого покоління до споживання контенту, що циркулює в ньому; надає доступ до ресурсів в будь-який зручний час; володіє зручним, гнучким, дружнім, інтелектуальним сервісом, що допомагає людині знайти необхідні інформаційні ресурси, дані або знання; не є емоційним, воно працює відповідно запитам людини стільки, скільки їй необхідно; наповнюється інформацією, даними, знанням з величезною, постійно наростаючою швидкістю; дозволяє організувати практично безкоштовні, зручні у часі контакти між будь-якою кількістю людей, забезпечити зручний і гнучкий обмін інформацією (причому в будь-якому вигляді) між ними; крок за кроком, стандартизує, а потім інтегрує в собі функціональність усіх попередніх, нині, так званих, традиційних засобів отримання, збереження, обробки і представлення необхідної